

Сов. кинематограф, 1975, 9 сент.

со сцены — усталая, возбужденная. Она играла Катю в володинской пьесе «С любимыми не расставайтесь», играла женщину тонкую, умную, эмоциональную. Одну из любимых и лучших своих ролей.

Задавать вопросы было невозможно: чувствовалось, что она еще там, на сцене, что ее пока волнуют не свои. Катини проблемы. Но, может быть, именно это и помогло, Лариса вдруг заговорила сама:

— Моя современница — какая она? Об этом вы хотели говорить? А я не знаю. Страшно трудно сказать, ка-

Короля в «Обыкновенном чуде»?

— Почти. Это — как ее назвать? — наследственная память, что ли, мне как актрисе особенно помогает. Я всегда ищу черты образа в себе самой, иду от себя, не извне, понимаете? А если пьеса хорошая, сама, кажется, становится чуть-чуть иной. Вот поняла, к примеру, что для Жанны д'Арк мне собственной доброты не хватает. Ее ведь — особая, всепоглощающая, потому она и не совместима с миром, в котором живет. Чуриковская Жанна такая, очень она мне нравится... А моя еще не сов-

Мне не все понравилось в «Романсе о влюбленных», но эта картина очень дорога мне именно обнаженностью чувств, открытостью эмоций, не спрятанных ни за какой юмор. Это касается и любви к женщине, и к матери, и к Родине...

И еще тем, что там показано: любовь может быть разной. «Сумасшедшей», романтической, какая случается обычно лишь в юности, хотя мы всю жизнь мечтаем о ней. И простой, обыкновенной с виду, скромной, но от этого не менее сильной и нужной человеку. Показано, что надо ценить любовь всякую —

ственно 76 и 663). Мы выбираем работу по вкусу и активно участвуем в творческом труде (в нашей стране работает или учится 92,5 процента трудоспособных женщин, получая при этом одинаковую с мужчинами заработную плату, и не случайно французский социолог Э. Сюрлеро пишет: «Трагедия женщин, не имеющих возможности приобщиться к полезному и интересному труду, немаловажна в Советском Союзе и других социалистических странах, где женщины уже теперь завоевали позиции, кажущиеся на Западе недоступными»). Мы занимаем высокие государственные посты (в Верховном Совете СССР почти треть депута-

они видят особенности мужского характера. Перечислялись разные, но одинаково прекрасные черты: мужество и отвага, честность и доброта, чувство долга и общественная активность... И лишь в одном ответе было «рыцарское отношение к женщине». Лишь в одном! Его автором, как вы уже, конечно, догадались, была женщина.

Да, изменившийся быт не до конца изменил психологию. И — как сто, как тысячу лет назад — мы мечтаем о любви не только прочной, но и пылкой, тоскуем об иной жизни, где бы можно было не быть «сильной». Да, мы хотим не только, чтобы нас любили, но и умели проявить свою любовь. Нам необходимы красивые слова, потому что мы становимся гораздо лучше, если знаем, что нравимся. И пусть не всегда способны объяснить, как представляем себе «рыцарское отношение», но зато очень точно чувствуем, когда оно есть, а когда нет — мечтаем о нем. И хотим, чтобы помнили об этом те, кто рядом.

Но как много зависит и от нас, от женщин! Это закладывается с детства. Сначала рвемся играть в футбол, стараясь ни в чем не отстать от мальчишек, а то и превзойти их. Позже, в юности, тоже своего рода соревнование: нам бы приучить своих сокурсников, своих товарищей к тому, что мы слабые, а мы — наоборот! Вся общественная работа — в основном, девочки; блестящие эрудирей — никогда не упустим случая; ты на мотоцикл — я за тобой, догони и перегони, пустяки, что пользы от этого мало женскому организму; поход какой-нибудь — лучше умру, чем сойду с лыжни, отдам рюкзак или еще как-то покажу, что мне тяжело: равенство так приятно. Да еще и выпьем на равных, и словечко крепкое подпущу не хуже тебя. Вот так и набираемся потихоньку черт, отнюдь не входящих в понятие женственности. Потом и работа (тут уж не важно «женская» ли профессия, «мужская» ли), требующая от нас одинаковых с мужчинами деловых качеств, добавляет свое, и мы незаметно для себя усваиваем это. А в результате сами способствуем созданию «неравноправного равноправия», при котором я не Прекрасная Дамы, а «свой парень», не существо, нуждающееся в защите и поддержке, а опора, не хранительница очага, а организатор его, глава семьи.

И еще. Как я могу требовать ласки и внимания, если сама невнимательна и неласкова? Чуткость, нежность, забота — все должно быть взаимно. И я так же должна уметь угадать его настроение, как и он мое. Может быть, даже раньше, потому что я — женщина. Мое духовное богатство, мое внутреннее достоинство, мое умение понять (а порой и простить), как ничто другое, способствуют гармоничности отношений между нами. Не только семейных, но только дружеских, но и служебных. Значит, надо не вздыхать об утраченном рыцарстве, об «иной жизни», а строить ее. В нашем веке, у себя дома, у себя на работе. Каждый день.

Наталья ВАСИЛЬКОВА.
ЛЕНИНГРАД — МОСКВА.

ГОВОРИТЕ НАМ О ЛЮБВИ...

Дело было днем, в самое обеденное время. В кафетерии на углу Невского и Владимирского приличные на вид мужчины распивали «на троих». Из реплик, разносившихся по залу, было ясно: никакой у них не праздник, никакое не событие — собрались по давней, скорей всего ежедневной привычке.

— Лихорадка какая-то на вино у мужиков этих, — сказала молодая женщина, моя соседка по столу. — Вот ведь несчастье в доме, как только жены терпят?

— Терпят — так им и надо, — не слишком доброжелательно отозвалась другая, помоложе. — Неправда! — вступила в разговор третья. — Каждый что-то терпит, и вы, и я — зачем же так? Может, то, что я терплю, вам покажется — ерунда, но мне ведь больно. А вы — так и надо!

— Ну, от меня, положим, терпят больше, чем я сама, — улыбнулась вторая, пытаясь свести конфликт к шутке. Но третья продолжала так же горячо:

— Дело даже не в том, кто терпит, дело терпит. Главное — почему. А тут вся беда в эмансипации.

...Я слушала этот разговор (а он все продолжался, хотя пьянчужки, вызвавшие его, были с позором изгнаны, а кофе давно выпит), слушала и вспоминала другой, состоявшийся накануне. Вроде бы речь шла не совсем об этом, во всяком случае сначала, но пришли, в общем, к тому же.

Моей собеседницей в тот вечер была Лариса Малеванная.

Она только что вернулась

какая... Все разные, и в каждой — сто разных, а все чем-то похожи, в чем-то одинаковы. Вот Катя... Я, когда первый раз прочла пьесу, испугалась. Ну, как буду ее играть: сумасшедшая какая-то, ночует у чужого человека и хочет, чтобы муж не обратил на это внимания... Любит безумно мужа и сама требует развода... А потом стала думать и поняла: нет, совсем не сумасшедшая, просто она, наверное, богаче меня, богаче других — она так умеет любить, так умеет верить, что вправе ожидать полного доверия и к себе. Какая может быть любовь без веры друг в друга, ну, скажите? И еще — как важно ценить доброе отношение к себе, как важно не разминивать его, с одной стороны, а с другой — не требовать от человека больше, чем он может дать. Правда же, важно? Это она, моя Катя, помогла мне узнать... Понимаете, она настоящая женщина, таких сейчас почти нет...

— А другие люди? У них что-то «подматриваете»?

— Сознательно — никогда! Что-то, конечно, откладывается в памяти, но специально искать характерные черты у похожей на мою героиню — судьбой ли, характером — женщины, нет, такого не было. Ведь ищешь же не походку, не жест, это приходит само на репетициях, ищешь суть, а это могу взять только у самой себя! Вот, например, в пьесе «Саша Белова» Дворецкого была одна великолепная сцена, такая мне близкая. Да, пожалуй, и любой женщине...

— Ну, скажите, вот вы ощущаете себя женщиной? Настоящей — ощущаете?

— Не знаю... Вроде у нас главное — работа, не семья. Детей чуть ли не неделями не видим... Обед как готовим? По дороге домой в кулинару схватим что-нибудь — и порядок! Все дела, дела, дела... Соберемся с друзьями, о чем говорим? Опять о работе. Вот у нас в библиотеке весь коллектив — одни женщины, и все так думают, у всех то же самое.

(Из разговора в кафетерии).

— И я сама не такая, и другие тоже. Хотя, знаете, вы, наверное, замечали, что мы с разными людьми разные. Нет, не в том смысле, что притворяемся, а невольно, подсознательно. Замечали? С тем, кто видит меня умной, доброй, я и умная, и добрая. А если чувствую, что человек, с которым говорю, думает: ах, актриса, все они вертушки легкомысленные, ничего за душой — я, хочу или не хочу, такая для него и есть. Это трудно объяснить, но ведь в каждом из нас — много людей, есть что-то от любого из предков — от неандертальцев еще, наверное, и всякий раз обнаруживается в зависимости от обстоятельств какая-то новая черта...

— Как у шварцевского

сем, но я ищу. Ищу и верю, что найду, в чем-то, вероятно, изменившись сама.

— А другие люди? У них что-то «подматриваете»?

— Сознательно — никогда! Что-то, конечно, откладывается в памяти, но специально искать характерные черты у похожей на мою героиню — судьбой ли, характером — женщины, нет, такого не было. Ведь ищешь же не походку, не жест, это приходит само на репетициях, ищешь суть, а это могу взять только у самой себя! Вот, например, в пьесе «Саша Белова» Дворецкого была одна великолепная сцена, такая мне близкая. Да, пожалуй, и любой женщине...

Саша приходит домой с работы, а Митя, ее муж, сидит и чертит. Ей хочется, чтобы он (а он очень ее любит) заметил в ней не просто жену, даже, она говорит, «труга и брата», но женщину. Начинает что-то такое врать, как за ней кто-то ухаживал, валиет дурака, а он — ну, не понимает, чего она от него хочет. Она уже просто до истерики доходит, а он все равно не понимает, что ей, как опять же каждой, нужно, чтобы ее когда-то приревновали, чтобы были какие-то красивые, да, красивые слова, какие-то живые эмоции, не обиденщина. Так это трудно... И тут очень большая правда, что мужчины стали такими — даже не знаю, как сказать лучше — спокойными, позволяющими себя любить...

— Но вы ведь говорили, что важно не требовать от человека больше, чем он может дать...

— Да, важно, но только если в человеке этом есть способность чувствовать, способность к любви, дружбе, искренности. Способны, конечно, многие, я совсем не хочу обвинять наших современников в том, что они все подряд сухари и рационалисты, хотя, по-моему, некоторый излишний рационализм нынешней молодежи все же свойствен. Но мы часто стесняемся высоких слов, живых чувств, прячем их за иронией (вот уж болезнь века!), посмеиваемся сами над собой — и привыкаем быть сухие, чем есть на самом деле. Привыкаем сами, причаем близких... Мучаемся от этого, но ничего поделать с собой не можем, правда же?

лишь бы была. Да нет, не просто ценить, надо уметь увидеть ее, дать ей вырасти, не растоптать. Уметь быть бережным к своему и чужому чувству... Сейчас я снимаюсь в фильме тоже о любви, и очень хочется донести до зрителя, не расплескать эту мысль.

Он четырехсерийный, телевизионный, этот фильм, называется «Мое поколение» и рассказывает... Знаете, хоть там и происходит все во время и сразу после войны, он мне кажется очень современным — все та же тема, о которой мы говорили. Фильм о женщине, вынужденной в годы войны работать, как мужчина, чтобы спасти детей, привыкшей быть кормильцем. «Мужиком в доме», привыкшей к тяжкому, неженскому труду.

Но вот приходит мужчина, умный, добрый, сильный — настоящий мужчина, такой, каким должен быть каждый, кто носит это звание. И происходит чудо. Благодаря его заботе, его любви она отогревается, становится другой: красивее, женственнее и внешне, и внутренне. Это очень коротко, но смысл такой очень, по-моему, важный сегодня...

Такие были два разговора — разные и похожие. Два разговора о жизни нашей современницы, ее заботах, ее тревогах. Два разговора, показавшие, что эти заботы, эти тревоги общие для нас — актрисы, журналистки, работницы одного из ленинградских заводов, учительницы, библиотекарка, да, наверное, и для сотен, для тысяч других...

Обвинила моя случайная собеседница в кафетерии эмансипацию во всех наших трудностях. Подобные обвинения — в шутку ли, всерьез ли — можно услышать не так уж редко. Может, действительно, в этом дело? Так нет ведь! Посмотрите в словаре. «Эмансипация», в переводе с латыни, означает освобождение от зависимости, от подчиненности, угнетения, предрассудков, от всего устарелого. Это благодаря ей мы получили такие права, о которых только мечтали могли наши бабушки, права, за которые борются миллионы женщин земного шара и сегодня. Мы сравнялись с мужчинами в образовании (из каждой тысячи мужчин, занятых в народном хозяйстве, 83 имеют высшее образование, 654 — среднее, из каждой тысячи женщин — соответ-

татов — женщины), осваиваем «мужские» профессии. И это, действительно, прекрасно, что чувствуем себя нужными своему делу, не мыслим жизни без него. Это прекрасно, это величайшее завоевание, но...

Вот я написала: осваиваем мужские профессии. А всегда ли это хорошо? Нет, я вовсе не призываю административным порядком закрыть женщинам дорогу к тому или иному делу! Заставить же их (а все более серьезное внимание к вопросу профориентации позволяет сделать это) при выборе профессии задуматься о своем жизненном предназначении: быть матерью, подругой, хозяйкой дома считаю очень важным.

Не эмансипация виновата — во многом виноваты мы сами. И те, кто нас окружает. Дело не в мерах государственных — многое уже сделано для облегчения труда женщин, налаживания нашего быта, охраны здоровья, еще больше делается и намечено на будущее. Решить проблемы, которые мы обсуждали, не помогут никакие планы, никакие капитальные вложения, никакие совещания и конференции, если мы сами не займемся этим. Мы. Ты и я.

Права Лариса Малеванная: для того, чтобы быть Женщиной, прежде всего нужно, чтобы рядом был Мужчина. А что у нас получается?

Помните, как бурно, как сочувственно реагировали наши спутники жизни, наши коллеги на призыв Б. Урлианса «Берегите мужчин!», как охотно согласились, что их-то и надо беречь в первую очередь. А неоднократно виденную сценку, когда продавщица ворочает тяжеленные ящики, а тут же в очереди стоят здоровые парни, и никто не двинется помочь, помните? А другую из пережитых: как вы входите в кабинет начальника, и он «забывает» не то что привстать на секунду, но даже предложить вам сесть, тоже, наверное, помните? Мелочи, мелочи... Сколько их, мелочей, о которых и говорить уже неудобно, все как будто переговорено, но говорить надо, потому что из них, из мелочей, складывается каждый наш день, а значит, вся жизнь.

Прочла я недавно в одном журнале ответы нескольких человек на вопрос о том, в чем